

На правах рукописи

ЧЕРНЕНКО Татьяна Васильевна

**ИНТЕГРИРОВАННАЯ СТАРОСТЬ:
ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ**

Специальность 22.00.04 – Социальная структура,
социальные институты и процессы

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Саратов 2005

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет»

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор
Елютина Марина Эдуардовна

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Шахматова Надежда Владимировна

доктор медицинских наук, профессор
Маврина Елена Алексеевна

Ведущая организация: Пензенский государственный университет

Защита состоится «30» июня 2005 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 21.242.03 при ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет» по адресу 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет, корп.1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет»

Автореферат разослан «30» мая 2005г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.В. Печенкин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического развития и важностью методологической разработки новых подходов к осмыслению социокультурных проблем старости. Последнее стало особенно актуальным в связи с тем, что в международных документах, в академических дискурсах артикулируется идеал общества для всех возрастов, принцип социального развития «к обществу без различия возрастов». Этот принцип пропагандирует такой идеал общества, который обеспечивает нормальные условия жизни для всех. Общество для всех призвано обеспечить всем поколениям возможности взаимного вклада друг в друга и совместного использования плодов такого вклада на основе неразделимых принципов: *взаимности и справедливости*. Главный принцип концептуализации общества для всех возрастов - *принцип взаимозависимости*. Представляется важным определение того, каким образом взаимозависимость может сохраняться в семье и обществе по мере изменения доли пожилых людей и молодежи в структуре населения.

Фокусирование внимания на проблеме общества для всех возрастов обусловлено существенными изменениями в возрастной структуре современного общества. Во - первых, речь идет о тенденции постарения населения, увеличении доли пожилых людей, причем увеличение возрастных групп опережает рост социокультурного разнообразия. При росте «одинаковых людей» происходит и унификация социальных услуг. Во - вторых, имеет место возрастная ценностная асимметрия в обществе (размер и способ дохода, «открытость» социальных позиций, дающих доступ к воздействию на различные социальные процессы, возрастная институциональность). Происходит возрастная поляризация (молодость - старость). В современной России отмечают монопольное обладание доступами к ресурсам, выгодами со стороны молодежи. Пожилые люди позиционируются как подчиненные, имеющие, как правило, возможность использовать лифты социальной мобильности лишь в направлении снижения качества жизни. Макроэкономические проблемы рассматривались до недавнего времени в основном с точки зрения расходов на социальное обеспечение пожилых людей-индивидов. В последнее время приходит осознание того, что возрастающий относительный показатель числа пожилых людей-индивидов сам по себе является всего лишь одним из многих факторов, влияющих на способность страны обеспечивать стабильный доход своему пожилому населению наряду с обеспечением экономического роста. Необходим широкий и более комплексный подход, предусматривающий учет и ряда других факторов. В - третьих, происходят структурные и функциональные изменения геронтологической группы. Сейчас это гетерогенная группа с широкими возможностями. В российских условиях надо иметь в виду и феномен генерации послевоенного «демографического эха». Послевоенная генерация - объект «образовательной экспансии». Речь идет о поколении с повышенными жизненными aspirationами.

Своевременной представляется проблема конструирования модели изменения жизненного курса в стареющем обществе, включающей разработку механизмов активизации личностного потенциала пожилых, разнообразных социально-политических, рекреационных, коммуникативных, образовательных практик инте-

грации пожилых людей в социальные взаимодействия. В условиях устойчивого старения населения актуальным оказывается изучение специфических социокультурных потребностей пожилых людей, анализ их предпочтений, установок в направлении продолжения активной жизни, пути и методы привлечения пожилого человека к участию в социокультурных событиях.

Трансформация российского общества породила целый ряд экономических, финансовых, социально-психологических проблем геронтологической группы, в том числе проблему невостребованности и исключенности пожилых людей из социального пространства. Вступление в пожилой возраст порождает ситуацию, когда геронтологические риски дополняются кризисом трансформационных процессов в российском обществе, что неблагоприятно отражается на пожилых людях, попадающих в группу социальных аутсайдеров. Наиболее важным аспектом становится социологическая рефлексия включенности пожилых людей во все сферы жизнедеятельности современного общества. Актуальной представляется разработка и реализация социальной политики на уровнях федеральных, региональных и местных органов власти, наличие дифференцированного подхода к геронтологической группе, учитывающего сосуществование в ней различных субкультур с разной степенью интегрированности в общество, создание компенсаторных механизмов, предупреждающих социальные эксклзивные практики по отношению к данной возрастной группе. Возникает необходимость в формировании нового, позитивного имиджа старости, позволяющего воспринимать пожилых людей как активную часть населения, в которой сосредоточена значительная часть пока невостребованного культурного и квалификационного потенциала. В России необходимо становление новой системы социальной интеграции пожилых граждан, ориентированной на инициативы «снизу». Актуализация научных поисков в этом направлении неразрывно связана с изменением статуса старости в современном обществе, что предопределяет необходимость нового уровня научной рефлексии в направлении осмысления роли и места пожилых людей в контексте социальной занятости, трудовой реабилитации, образования, переквалификации и, наконец, карьерной динамики и профессионального роста.

Степень научной разработанности. В начале XXI в. интенсивность исследования социальных проблем старости, старения возросла. Появились новые проблемы, новые подходы к решению традиционных социogerонтологических вопросов, связанные с глобализацией, становлением мирового информационного пространства, новыми геронтотехнологиями. Предметом обсуждения становятся следующие проблемы: модернизация старения; экология старения (В. Шайя, Р. Штейд, М. Греллер, Д. Филд); образование в позднем возрасте (М. Елютина, Э. Чеканова); имидж пожилого человека в современном обществе (Э. Карюхин, Г. Парахонская, Н. Шабалина); старость и мобильность (С. Балабанова, Н. Панина, А. Писарев); старость и продолжение профессиональной деятельности, карьера в позднем возрасте (Э. Иванкова, Н. Кондакова, Т. Смирнова); новые конфликты в геронтологическом секторе (Н. Гегедош, И. Лотова); использование потенциала представителей третьего возраста, социальные сети в позднем возрасте, коммуникативные ресурсы (В. Альперович, М. Елютина, Л. Михайлова, В. Пятрушев), проблема девиации и жестокого обращения с пожилыми людьми (Т. Темаев, П. Пучков).

Интересными представляются интерпретации конструирования отношений к пожилым людям в исторической перспективе, представленные в работах Ф. Ариеса, Дж. Демоса, М. Райли, А. А. Смолькина, А. Фоунера. В условиях глубоких преобразований в России особенно актуальной представляется проблема геронтологической идентичности, поскольку пожилой человек оказывается в ситуации, где он не в состоянии определить свой жизненный дискурс и должен строить идентичность своего «Я» в перспективе предвосхищения социальных реалий. Концепции социальной идентичности, представленные исследованиями П. Бергера, Т. Лукмана, Дж. Мида, П. Таунсенда, В. Ядова, отражают четкую рефлексию геронтологических идентификационных стратегий. Значимой представляется проблема жизнедеятельности в пожилом возрасте. Среди работ последних лет внимания заслуживают работы И. Бестужева - Лады, М. Руткевича, Ж. Тощенко, А. Здравомыслова, Ф. Шереги, Е. Таршиса, Г. Зборовского, которые разработали сферный подход к изучению стиля жизни, позволяющий рассматривать отдельно взятую социально-демографическую группу, специфику ее образа жизни.

Следует выделить публикации, ориентированные на демографический анализ (Е. Егорова, Л. Лебедева, Б. Бреев), отражающие нюансы социально-экономических последствий старения населения (В. Куденко, С. Робель), затрагивающие сферу межпоколенных трансфертов (Б. Дубин, Н. Лисовский, С. Спассибенко, Н. Шахматова), тенденции развития гендерных отношений в стареющем обществе (А. Серенсен). Несомненную ценность представляют исследования труда и профессиональной карьеры в поздний период жизни, особенностей профессиональной подготовки и переподготовки пожилых (М. Греллер, Х. Деннис, Ф.С. Либиг, Р. Версли).

С учетом наметившихся положительных интерпретаций позднего возраста в отечественном социологическом сообществе, тем не менее, следует признать, что социологическое исследование старости находится на периферии научного знания. На сегодняшний день по данной проблематике отсутствуют не только теоретические обобщения, но и представительные данные, нет комплексного изучения широкого спектра проблем старости. Попытки обращения к зарубежному опыту не всегда являются положительными из-за неадекватной социокультурной специфики российского общества. Социологический анализ старости в значительной степени фокусируется на простом изложении образа жизни и потребностей пожилых людей, приобретая инвентарный характер простого перечисления социальных проблем данной группы населения. Социальное изучение зачастую сводится к однотипности и однотонности восприятия пожилого человека, расставляя приоритеты только на изменениях здоровья и проблемах ухода, что сужает исследования старения.

Системный анализ механизмов интеграции пожилых людей в социальном пространстве, проблема их разрешения, разработка системных подходов к субъектам социального развития, препятствующая их исключению из процессов социальной жизни, нуждаются в серьезном научном обеспечении.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяются непротиворечивостью теоретико-методологических положений, составивших его основу, комплексным использованием диссертантом системы теоретических и эм-

пирических методов. Результаты проведенных эмпирических исследований соотнесены с известными экспериментальными данными других исследований.

Целью диссертационного исследования является социологическая рефлексия интеграционных процессов представителей третьего возраста, выработка основ концепции социального участия данной социально-демографической группы. Для достижения поставленной цели выдвигаются следующие **задачи**:

- анализ основных теоретических подходов и моделей объяснения старости, интерпретация социокультурного смысла интегрированной старости;
- исследование основных форм социального участия и социальной интеграции пожилых людей в контексте социальных изменений; анализ их характерных черт;
- идентификация источников социальной эксклюзии, факторов дезинтеграции, исключенности пожилых;
- выявление особенностей формирования и трансформации социальных рисков в контексте дифференцированного подхода к геронтологической группе;
- проведение анкетного опроса с целью выявления позиционирования представителей разных возрастных групп относительно проблем старости;
- обоснование практических рекомендаций в адрес субъектов социальной политики.

Объектом исследования выступают процессы интеграции пожилых людей в условиях современной России.

Предмет исследования – формы социального участия пожилых людей, отражающие социально-экономические, политические, культурные реалии современной российской действительности.

Эмпирической базой исследования являются результаты социологического опроса, проведенного автором в 2003 году в составе исследовательской группы «РОСС-XXI ВЕК» (опрошено 2820 человек) и охватившего население Саратовской, Нижегородской, Свердловской, Оренбургской, Волгоградской областей и г. Самары, а также вторичный анализ опубликованных результатов социологических исследований по данной проблеме, статистическая информация Госкомстата, нормативно-правовые документы Российской Федерации.

Основная гипотеза исследования. В качестве факторов, препятствующих включению представителей третьего возраста во все сферы жизнедеятельности общества, выступают не только объективные обстоятельства, оказавшиеся в которых, пожилые люди не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами, но и состояние эксклюзии, связанное с индивидуальным прочтением обстоятельств жизни.

Теоретическими и методологическими основаниями диссертационного исследования являются фундаментальные работы Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, теории социального риска (У. Бек, О. Янникий), парадигма социальных изменений П. Штомпки, теория трансформаций В. Ядова, современные социogerонтологические подходы (В. Альперович, М. Елютина, Е. Молевич, Г. Парахонская). Метод научного объяснения находится в рамках проблемных теоретических положений критической и интерпретативной парадигм. Данное исследование носит междисциплинарный характер и рассматривается с позиций социологии, социальной и возрастной антропологии, психологии, превентивных социальных программ. Методологические установки, задающие направления научной рефлексии автора, раскрываются в работах, обосновывающих гетерогенность старшей возрастной

группы, изменение жизненного курса в стареющем обществе, осуществляющих социокультурный анализ старости (В. Альперович, М. Елютина, Н. Шужина). Автор обращается к разрабатываемым современными авторами концепциям социальной инклюзии (М. Елютина, О. Краснова, И. Назарова, Е. Ярская-Смирнова). Операционализация основных понятий и процедура эмпирического исследования разрабатываются в соответствии с принципами социологического исследования, содержащимися в работах И. Девятко, О. Шкаратана, В. Ядова.

Научная новизна диссертационной работы определяется следующими позициями:

- выделено смысловое пространство «интегрированной старости»;
- определена специфика процессов интеграции пожилых людей в контексте социальных изменений и их собственного позиционирования в отношении своего места в различных сферах общества;
- обосновано, что стимулирующие стратегии, инициируемые «снизу», самими пожилыми людьми, представляют собой достаточно эффективный механизм адаптации и интеграции пожилых людей в социум, препятствуют нисходящей мобильности в условиях общественной нестабильности;
- по-новому представлена таксономия терминов и определений, связанных с социальной эксклюзией, проведен оригинальный авторский анализ источников и основных форм социальной эксклюзии пожилых людей;
- эксплицирована авторская типология зон социальной интеграции и социального участия представителей третьего возраста по разряду содержания и генерализации рисков.

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Социальная интеграция означает признание равного достоинства индивидов, независимо от их возраста, определенный баланс интересов разновозрастных групп. Социальная интеграция пожилых людей – это их включенность во все сферы социальной жизни - трудовую деятельность, политическое участие, образование, пенсионное обеспечение, культуру в целом. Практики интеграции оказываются эффективными в той мере, в какой они соответствуют конвенциям данного общества. Смысловое пространство «интегрированной старости» включает следующие позиции: отказ от зависимых отношений между пожилыми людьми и государственными институтами, переориентация в системе социальной поддержки от опекающих/ контролирующих стратегий в отношении пожилых людей к стратегиям, стимулирующим их активность, личностно - ответственное формирование собственной жизни; перенесение акцента с программ вспомоществования на поддержку в получении (сохранении) работы и достижение самообеспечения; развитие различных форм заботы о пожилых людях и различных форм заботы со стороны пожилых людей; реальное признание (недекларативное) принципа дифференцированности социальной политики, который предполагает учет гетерогенности пожилого населения.
2. Социальная эксклюзия представителей третьего возраста может быть рассмотрена: как ситуация, включающая совокупность объективных обстоятельств, оказавшись в которых, пожилые люди не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами; как процесс, фиксирующий определенные стадии, уровни, глубину, интенсивность абсолютной и относительной соци-

альной депривированности представителей третьего возраста; как состояние, определяющееся рефлексией, интерпретациями ситуации, самоидентификацией, связанное с индивидуальным прочтением обстоятельств жизни, собственным позиционированием в отношении социальных изменений.

В качестве основных форм социальной эксклюзии выступают: невозможность реализации определенных стандартов материального потребления, а также отсутствие или сокращение доступа к основным, применительно к условиям России, формам социального участия и социальной интеграции. Социальная эксклюзия старшего поколения связана, главным образом, с практиками исключения из ведущих сфер жизнедеятельности, оттеснения их на периферию социальной жизни. Типология социальной эксклюзии в отношении представителей третьего возраста по разряду ведущих сфер жизнедеятельности включает: эксклюзию от продолжения профессиональной деятельности; эксклюзию от престижных форм потребления; эксклюзию от источников кредита; эксклюзию от образовательного поля.

3. Социальная эксклюзия – это результирующая факторов риска, эффект накопления во времени результатов воздействия факторов риска, когда человек не в силах справиться с ситуацией, его ресурсы для осуществления радикальных преобразований ограничены. Помимо общих, трансформационных рисков, выделяются геронтологические риски, связанные с объективными трудностями геронтологической группы, с ее социальными ресурсами. Специфика социальных рисков представителей третьего возраста, помимо прочего, непосредственно связана со структурными изменениями их жизни в связи с выходом на пенсию и проявляется в следующих аспектах: нормативном (изменения норм, ценностей и институтов, характерных для геронтологической группы); ментальном (изменения идей, убеждений, взглядов, образов, характерных для данной группы); в аспекте социальных коммуникаций (выпадение из социальных сетей); в аспекте эмоциональных изменений (культивируются определенные эмоциональные состояния, аффекты, поразительные настроения).

4. По разряду содержания и генерализации рисков выделяются четыре зоны социальной интеграции и социального участия: зона социальной инклюзии (к ней относятся представители позднего возраста, продолжающие профессиональную деятельность, с высоким уровнем дохода, хорошим здоровьем, крепкими семейными отношениями, «нужными» связями в обществе, что способствует свободной интеграции пожилых людей в социум); зона риска или пограничная зона (фокус эксклюзии постепенно расширяется за счет тех или иных солирующих в обществе социальных норм: моды, стереотипов, индивидуально-психологических предрасудков: страха потерять лидерство, боязни профессионального соперничества, что приводит к ограничению доступа к определенным жизненно важным ресурсам, позволяющим нейтрализовать влияние дискриминации); зона зависимости с более жестким индексом дискриминации (характеризуется широкой амплитудой дискриминационных практик по отношению к старшему поколению: в сферах образования и жилищных прав, общественной, культурной и досуговой деятельности); зона глубокой эксклюзии (к ней принадлежат пожилые люди, растерявшие все связи с обществом, лишенные даже малых шансов централизовать контроль над принятием решений, увязнувшие в различных формах социальной эксклюзии). Фокус эксклюзии может меняться при учете гетерогенности старшей возрастной группы.

5. Интеграционная модель социальной политики в отношении представителей третьего возраста акцентирует в качестве основной задачи не просто присмотр, уход и продление человеческой жизни, но и развитие способностей, нераскрытых ресурсов пожилых людей, включает следующие содержательные моменты: обеспечение через государственные институты (развитие социальной инфраструктуры, медицинское обслуживание, трудовое законодательство, образование, систему поддержки доходов); интегративные практики через различные социокультурные общества, местные сообщества, но с обязательной государственной поддержкой. Особая роль при этом принадлежит новым социальным технологиям, основанным на включении самих пожилых людей в решение своих проблем.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности использования основных положений и выводов данной работы при дальнейшей разработке теоретических и практических задач, исследуемых в социологии старшей возрастной группы, учебных курсов по социальной геронтологии, социологии, социальной психологии. Теоретический анализ практик исключения вынуждает говорить об изменении государственной политики в сторону большей вариативности, расширении сознания о жизненных ориентирах и ценностях представителей позднего возраста, новых, адаптированных к нынешним условиям механизмах социальной интеграции пожилых людей в российский «стареющем» обществе.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационной работы были изложены на методологических семинарах кафедры социологии СГТУ, заседаниях кафедры социологии СГТУ, на международных и российских конференциях: «Актуальные проблемы социального и производственного менеджмента» (Саратов, 2002, 2003), «Поколенческая организация современного российского общества: социальные проблемы поколений» (Саратов, 2002), «Интеграционные процессы в современном обществе» (Саратов, 2002), «Образование для всех: пути интеграции» (Саратов, 2003), «Пожилый человек: качество жизни» (Саратов, 2003), «Образование в современном мире: глобальное и локальное» (Саратов, 2004), «Современные коммуникативные практики» (Саратов, 2004), «Социальное расслоение, власть и гражданское общество в современной России» (Саратов, 2004).

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 6 статей общим объемом 2,1 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, раскрываются научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Социальная интеграция: геронтологический аспект» состоит из двух параграфов и посвящена рассмотрению социально-демографических изменений общественной жизни, обоснованию содержательного понятия интегрированной старости в социальном контексте предпосылок и практик включения в социетальный образ жизни, а также

посылок и практик включения в социетальный образ жизни, а также причин возникновения социальной эксклюзии пожилых людей и механизмов ее преодоления. В первом параграфе *«Современные объяснительные модели старости в контексте социально-демографических изменений общественной жизни»* анализируются теоретико-методологические подходы к старости, эксплицированные в контексте социально-демографических изменений.

В начале XXI столетия возникла ситуация, когда старость перестала быть «прозрачной», заняла особое место и в жизни отдельного человека, и общества в целом. Эту мысль автор конкретизирует следующими положениями.

Во-первых, мир стареет, что представляет собой объективную общедемографическую тенденцию. Прогрессирующий процесс старения приобрел на рубеже веков глобальный характер. Неслучайно, по мнению автора, в научном и публичном дискурсах усилилось внимание к социальным проблемам старения, старости. Деловые и государственные лидеры стран, вплотную столкнувшиеся с проблемами постарения населения, активно обсуждают возможные стратегии, способные в определенной степени демпфировать социально – экономические последствия постарения населения.

Демографическая ситуация последних десятилетий определяется значительным увеличением доли пожилых людей в структуре населения экономически развитых стран. Увеличение численности и тем самым удельного веса старых людей в возрастной структуре населения индустриально развитых стран получило название «демографического старения» или «старения населения». Старение населения становится вызовом, требует особой политики. Автор отмечает, что проблема старения населения в каждой стране имеет свои особенности. Процесс постарения населения России происходит в условиях политической и социальной нестабильности. Переход к рыночным отношениям вызвал ухудшение социального положения большинства пожилых людей. Происходит быстрая люмпенизация стариков. Идет процесс падения авторитета старости. Низкий социально-экономический статус пожилых ограничивает их жизненный потенциал. В стране неуклонно увеличивается доля пожилых, старых и очень старых людей. Идет процесс постарения в рамках самой старости.

В качестве основной причины постарения населения автор рассматривает сокращение рождаемости и в этой связи уменьшение численности и доли лиц молодого трудоспособного возраста. В настоящее время в России на 100 человек трудоспособного возраста приходится 75 нетрудоспособных. Старение населения увеличивает показатели смертности и заболеваемости. На возрастную структуру оказывает воздействие и миграция из сельской местности (главным образом молодежи), что обуславливает старый возрастной состав сельского населения, а также миграция в Россию из стран ближнего зарубежья. При этом мигрируют преимущественно лица среднего возраста, в первую очередь, по причинам политического, социального характера. Величина демографического возраста зависит и от региона страны. Постоянный прирост пожилых людей, их медицинские, социальные проблемы, необходимость расширения домов-интернатов требуют все больше затрат. Для современной России характерны новое сочетание старости и бедности, ограниченные ресурсы для решения геронтологической проблемы. Автор рассматривает феминизацию старения: среди пожилых людей, вышедших на пенсию, женщин

второе больше, чем мужчин, что актуализирует гендерную составляющую социальной политики. В России в возрасте до 50 лет насчитывается одинаковое число мужчин и женщин. Но среди лиц 60 лет и старше женщины составляют 69,1%, а среди лиц старше 70 лет – 75,8%. Особенно быстрыми темпами растет группа одиноких пожилых женщин, не имеющих детей. Нередко именно они обретают статус обитателя дома для престарелых, а также становятся объектами агрессивного поведения.

Во-вторых, старость становится длительным и значительным этапом индивидуального развития. Произошло «технократическое» неэволюционное увеличение средней продолжительности жизни. Старость в определенной степени представляет артефакт культурного развития. Она не является только биологически объяснимым феноменом, а в значительной степени представляет собой результат активного социального конструирования. Многие эмпирические факты жизни пожилого человека не могут быть объяснены только исходя из генетических и возрастных переменных старения, а в большей степени обусловлены «социальным старением». Автор подчеркивает, что данное понятие фиксирует зависимость как количественных, так и качественных характеристик процесса старения от влияния социальных, физических, административных аспектов окружения пожилых людей. Под воздействием старения населения происходит трансформация всех институтов: от семьи до государства.

Анализируя теоретико-методологические принципы социологического анализа старости, автор обосновывает полипарадигмальный подход к интеграционным процессам в геронтологической перспективе, практикам включения и исключения; структурно-функциональное направление позволяет сфокусироваться на проблемах возрастной стратификации, социальных статусах различных возрастных групп, на адаптационных процессах в обществе, деятельности социальных институтов, социальной политике государства в отношении представителей третьего возраста; конфликтная модель развития общества дает возможность сосредоточиться на взаимодействии и конфликте поколений; изучение роли противоречий фиксирует обусловленность целей деятельности потребностями и интересами индивидов и групп; в контексте символического интеракционизма осуществляется анализ взаимоприспособления представителей разных возрастных когорт.

В работе обосновывается сопряженность понятий «старость» и «интеграция», идея о том, что интеграция представителей третьего возраста в социальное пространство становится не только возможной, но и необходимой в стареющем обществе, так как представляет собой ресурс для его динамичного развития, выступает способом решения многих социально-экономических проблем, связанных с галолирующим процессом постарения населения.

Во втором параграфе «Социальная эксклюзия в контексте факторов риска» анализируется понятие социальной интеграции в терминах солидарности сообщества, означающее достижение консенсуса различных интересов социальных групп, а также в терминах социального партнерства, когда рассматривается и реальная система взаимодействий между различными социальными группами, и система институтов социального партнерства.

Социальную интеграцию в возрастном аспекте автор, вслед за Гидденсом, рассматривает в терминах социальной включенности и исключенности, причем

понятие включенности, по мнению автора, распространяется на все сферы социальной жизни - трудовую деятельность, политическое участие, образование, пенсионное обеспечение, культуру в целом.

По мнению автора, в ситуации затянувшегося экономического кризиса в РФ, сопровождающегося практически двукратным падением уровня жизни и масштабной концентрацией доходов и богатства в руках относительно узких слоев общества, увеличивается удельный вес кризисных групп, в отношении которых действуют практики исключения. Это безработные, беженцы, бездомные, беспризорные. Рост кризисных групп, в отношении которых действуют практики исключения, есть признак глубокого неблагополучия общества и неопределенности его будущего. К кризисным группам относятся и пожилые люди. В отношении пожилых людей преобладает дискурс невстроенности их в систему новой социальной ткани, исключаящий существование многих потребностей, переживаний и изменений в их жизни, что непосредственно проявляется в элементах эйджизма (дискриминации по возрасту) в различных областях социальной действительности. В контексте диссертационного исследования автор, осуществляя вторичный анализ данных массовых опросов населения, статистической информации Госкомстата, а также нормативно-правовых документов Российской Федерации, выделяет и анализирует формы геронтологической социальной эксклюзии:

1. Эксклюзия от продолжения профессиональной деятельности. Рынку труда присуща дискриминация по возрасту. Занятость пожилых людей носит ограниченный характер: более пожилые работники имеют меньшую власть и заработок, чем молодые; существуют объективные барьеры для карьерных продвижений в позднем возрасте; имеют место явные и латентные практики эйджизма при приеме на работу и увольнении; в профессиональном пространстве возрастные группы имеют различный престиж и ценность для работодателей. По мнению автора, здесь имеет место расхождение реальных социальных практик с формально-правовыми нормами. На рынке труда пожилые люди могут получить, как правило, только малоквалифицированную, низкооплачиваемую, непристижную работу. При попытке трудоустроиться пожилые люди часто сталкиваются с неправовыми практиками, к примеру с устным трудовым наймом.

2. Социальная эксклюзия от престижного потребления услуг. Геронтологическое потребление услуг остается на крайне низком уровне. Потребительское поведение геронтологической группы как специфической группы доходов получателей характеризуется недопотреблением (основная часть фонда личного потребления расходуется на продукты питания, за пределами доступного остаются товары длительного пользования. Не лучше обстоит дело и с товарами, обеспечивающими движение информационных потоков (обеспеченность телевизорами, радиоприемниками, газетами). Геронтологическая группа недополучает образовательные, медицинские, культурные услуги. Автор обосновывает положение о том, что пенсионеры в современной России - потребители рынка дешевых товаров; при этом тратят огромное количество времени и сил на поиск и покупку дешевых продуктов, хотя разница в цене порой составляет копейки в буквальном смысле слова и часто превышает стоимость проезда. В работе показано, что пенсионеры нередко выступают и как продавцы товаров на блошиных рынках. В отличие от России к этой социальной группе на Западе относятся представители малообеспеченных классов. В

развитых странах именно пенсионеры являются наиболее платежеспособными, они составляют социальную группу с самым большим расходным капиталом. Автор отмечает и наличие такого феномена, как «массовый туризм западных пенсионеров», которые реально переосмысливают границы собственного мира в контексте некой более широкой общности. Анализируя кредитные ресурсы представителей третьего возраста, диссертант, привлекая результаты социологических исследований, приходит к выводу, что в отношении пожилых людей в нашей стране можно говорить лишь о потребительском, а не о деловом кредите. В качестве источников кредита для пожилых людей доступными оказываются два: ломбарды и родственники, причем, как правило, помощь родственников пожилые люди рассматривают как крайний, экстремальный случай.

3. Социальная эксклюзия от образовательного пространства. Модернизация образования включает, помимо прочего, создание системы непрерывного образования, то есть предоставление возможности учиться в течение всей жизни. Одна из важных проблем в реализации системы непрерывного образования – противоречие между декларируемыми целями и реальной практикой образовательного процесса.

По мнению автора, понятие социальной эксклюзии можно обозначить как институционализацию неравенства, или, в терминологии П. Штомпки, возникновение прочной иерархии привилегий и лишений в отношении доступа к желаемым благам и ценностям. Обосновывая данное утверждение, диссертант привлекает работы отечественных социологов Н.Ф. Шахматовой, Р.С. Яцемирской, И.Г. Беленькой, указывающих на то, что ни хорошее здоровье, ни сохранение деятельного образа жизни, ни высокое общественное положение не являются гарантом осознания старости как благоприятного периода жизни. Даже при наличии этих преимуществ, каждого в отдельности и вместе взятых, пожилой человек может считать себя исключенным из социального пространства, и, наоборот, при плохом физическом здоровье, одиночестве и небольшом денежном довольствии представители этой возрастной группы могут находиться в согласии со своим старением и активно использовать свой жизненный капитал.

Социальная эксклюзия в отношении представителей третьего возраста анализируется автором: ситуация, включающая совокупность объективных обстоятельств, оказавшись в которых, пожилые люди не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами, в отношении них действуют многочисленные нелегитимные практики исключения из различных форм социального участия; как процесс, фиксирующий определенные стадии, уровни, глубину, интенсивность абсолютной и относительной социальной депривированности представителей третьего возраста; как состояние, определяющееся рефлексией, интерпретациями ситуации, самоидентификацией, связанное с индивидуальным прочтением обстоятельств жизни, собственным позиционированием в отношении социальных изменений.

В работе обосновывается подход к изучению ситуации геронтологической эксклюзии с точки зрения факторов риска (У. Бек, Э. Гидденс, М. Дуллас, Н. Луман, Дж. Митчел). По мнению автора, специфика социальных рисков представителей третьего возраста связана со структурными изменениями жизни в связи с выходом на пенсию. Геронтологические риски анализируются автором в следующих аспектах: нормативном, который касается изменений норм, ценностей и институтов, ха-

характерных для геронтологической группы (процедура оформления пенсий, статус пенсионера, изменение образца занятости и профессиональной карьеры, система профессиональных маршрутов для лиц пенсионного возраста, сохранивших трудовую и социальную активность, изменение гендерноспецифических жизненных решений в отношении профессии и семьи); ментальном, фиксирующем изменения идей, убеждений, взглядов, образов, характерных для данной группы; в аспекте социальной коммуникации - даже при отсутствии низких жизненных стандартов пожилые люди выпадают из социальных сетей, будь то семья или непосредственное окружение; сильное негативное влияние на ощущение ценности жизни оказывает реальное одиночество, возникающее из разрушения поддерживающей микро-социальной группы, потери близких, коренной смены условий жизни; в аспекте эмоциональных изменений (культивируются определенные эмоциональные состояния, аффекты, пораженческие настроения). Изменение статуса, утрата положения, занимаемого в обществе, обуславливают формирование состояния, сходного с болезнью демобилизации. Отчужденный от нормальной социальной и политической жизни, человек уже сам стремится избежать перемен, так как они сулят неизвестное, вынуждают к поиску, а способность к поиску атрофирована.

Анализ результатов эмпирического исследования, связанного с позиционированием представителей разных возрастных групп относительно проблем старости, позволил сформулировать следующие положения:

- состояние социальной эксклюзии характерно для группы людей предпенсионного возраста. Оно в значительной степени связано с интолерантностью, неприятием факта собственного старения лицами предпенсионного возраста, которое обусловлено: использованием непродуктивных стратегий поведения; неподготовленностью к процессу старения; негативными стереотипами старости, реальными практиками исключения. Большинство представителей этой группы оценивают свои жизненные шансы как бесперспективные (54,6% при средних 47,7%). Это говорит в первую очередь о неготовности данной группы к преодолению объективных трудностей, связанных с изменением социальной ситуации. Выход на пенсию воспринимается как катастрофа, крушение, без анализа причин и следствий предстоящих стратификационных сдвигов, изменений социальных ролей и статусов. Большинство опрошенных представителей данной возрастной группы указали на недоступность различных форм социального участия. По их мнению, в качестве возможных занятий пожилого человека на пенсии выступают: уход за внуками (68,75% при средних 63,4%) и помощь по хозяйству (53,13% при средних 31,5%);

- анализ системы ценностей представителей предпенсионного возраста обозначил характерные для них проблемные зоны в адаптации: а) выраженность внутренних конфликтов в сфере «социальное участие»; б) контуры социального участия определяются внутрисемейными взаимодействиями; в) состояние тревоги и неопределенности, социальный нигилизм. Непонимание собственной роли, ценностей и идентичности, чувство бессилия, поскольку человек не в силах справиться с ситуацией, провоцируют состояние социальной эксклюзии.

- в старших возрастных группах преобладают признаки адаптивного характера: они вынуждены или предпочитают подчиняться обстоятельствам, принимать их, даже если они неблагоприятны. Наиболее активна возрастная группа «молодых

пенсионеров». Главное препятствие для активного социального участия сопряжено с информационной ограниченностью;

- молодежь достаточно смутно представляет геронтологические проблемы, их внимание сфокусировано, главным образом, на визуальных проявлениях старения. Молодые люди продемонстрировали готовность активно бороться с «внешним» старением.

Вторая глава «Социокультурные механизмы активизации личностного потенциала пожилых» состоит из двух параграфов и посвящена обоснованию положения о том, что в условиях ограниченных финансовых ресурсов и отсутствия действенных механизмов исполнения нормативно – правовых актов большое значение в преодолении социальной эксклюзии имеет активизация личностного потенциала пожилых людей. *В первом параграфе «Интеграционная модель социальной политики в стареющем обществе»* выделяются и анализируются различные уровни анализа старости: макро-, мезо-, микро-. Автор подчеркивает, что постарение населения на макроуровне оказывает существенное влияние на общественные процессы, их конфигурацию, структуру, динамику. Анализируя различные интерпретационные модели развития стареющего общества, социальных последствий постарения населения, автор приходит к выводу, что при различии оценочных суждений, касающихся социальных последствий постарения населения, объединяющим моментом выступает резюме о необходимости изменения жизненного курса в стареющем обществе.

Автор констатирует, что постоянно действующий фактор постарения населения не учитывается в должной мере в социальной политике, слабо подвержен организационно-политическим коррективам, которые, как правило, запаздывают. Сегодня уже нельзя ограничиваться только выяснением возможных негативных социальных последствий тенденции постарения населения. Актуализируются политические задачи, общественные инициативы, деятельность общественных союзов, которые могут активизировать граждан и побудить их к участию в решении геронтологических проблем. Ощущается потребность в социальных программах, направленных на профилактические услуги и социальную модель геронтологической помощи. Вслед за М.Э. Елютиной диссертант рассматривает старение как социальный институт, выделяет и рассматривает две модели изменений жизненного курса в стареющем обществе: первая - сегментация жизненного пути в рамках различных институтов, соответствующее увеличение разнообразия социальных ролей и видов социальной активности; вторая модель предполагает большую гибкость жизненного пути и нарушение стереотипной временной последовательности социальных ролей и видов социальной деятельности, строго «привязанных» к определенному отрезку жизненного пути, предполагает развитие реальных практик интеграции пожилых людей в социальное пространство, актуализирует проблему «зоны ответственности». Именно интеграционная модель обозначает перспективу оценки пожилого возраста с позиции его экономической рентабельности и социальной состоятельности. В работе показано, что социальная политика в отношении пожилых людей ориентируется, главным образом, на модель «складирования», где основной задачей является присмотр, уход и продление человеческой жизни. Интеграционная модель, по мнению автора, представляет собой развивающую мо-

дель, где задачами являются не только присмотр, но и развитие способностей, нераскрытых ресурсов пожилых людей.

Считая более плодотворной вторую модель, автор отмечает основные направления реорганизации институциональной системы: устранение ортодоксальных институциональных возрастных рамок, включение в процесс обучения и переквалификации представителей третьего возраста; модификация политики, установление пенсионного возраста в сторону большей вариативности; обеспечение возможности получения (при необходимости) различных видов социальной помощи и поддержки. Социально-демографическая группа пожилых должна быть поставлена в равное с другими группами населения положение. При этом необходимо учитывать гетерогенность пожилого населения с учетом геронтологического категорирования; плюрализация социальных услуг, в том числе распространение и доступность рекреационных услуг; "стандартизация" рекреационных форм и ценностей общественицизационного порядка; вовлечение представителей третьего возраста в политическое пространство жизни общества с целью легитимации действий с помощью формулы представительства своих интересов; создание и совершенствование комплексного механизма стимулирования к «зарабатыванию» пенсий; изменение привычной схемы формирования контингента занятого населения в направлении привлечения к новым рабочим местам людей, уже имеющих производственный опыт, знания, навыки труда, в новых сферах производства (компьютерная анимация, обучающие программы, электронные издания, информационные системы) может быть использована немалая доля ранее работавшего пожилого персонала, прошедшего переобучение; проблема улучшения здоровья людей, охраны труда, минимизация производственного травматизма, в том числе с летальным исходом; разработка необходимых мер, которые прежде всего заинтересуют предпринимателей в обеспечении нормальных условий работников, активизируют деятельность государственной инспекции по труду, привлекут внимание профсоюзов к этим проблемам; изменение системы обеспечения по старости с учетом гендерных процессов, так как существующая система обеспечения по старости представляет собой один из механизмов воспроизводства гендерного неравенства.

Во втором параграфе «Интегрирующие геронтологические стратегии» анализируются различные направления реализации интегрирующих стратегий в отношении представителей третьего возраста.

Автор эксплицирует негативные последствия опекающих/контролирующих стратегий в отношении пожилых людей, непосредственно связанных с патерналистскими принципами, лежащими в основе функционирования государственных институтов. Сущность патернализма заключается в делегировании гражданами ответственности за собственное благополучие государству ценой признания за ним права контролировать жизнь своих членов. В контексте патерналистских принципов конструируется зависимая, безынициативная модель поведения пожилых людей, унифицирующая старшее поколение.

Оказание помощи, по мнению автора, носит взаимный характер. В повседневной жизни пожилые люди оказывают разнообразную помощь детям. На уровне концептуализации и практической реализации социальной политики такое понимание в значительной степени расширяет проблемное поле социальной помощи в направлении активизации личностного потенциала пожилого человека, создания

механизма реализации потребности в заботе о ком-либо (о чем-либо). Автор подчеркивает, что фокусирование внимания на интегрирующих стратегиях не исключает практическое использование в определенных пределах опекающих стратегий. Целесообразность их использования диктуется гетерогенностью геронтологического сектора (группы повышенного риска). Диссертант выделяет и рассматривает разные виды интегрирующих стратегий: предупредительные действия по обеспечению старости; развитие различных форм заботы со стороны пожилых людей; инициация коммунитарного взаимодействия.

Первое из указанных направлений интегрирующих стратегий носит превентивный характер и адресовано не столько пожилым людям, сколько молодым, для которых старость еще содержится в потенциальном виде. Последним необходимо осознать, что старость наступает не «вдруг» и не «с сегодня на завтра», а потому требует значительных усилий для подготовки к ее достойной встрече. Иначе говоря, каждый человек должен заблаговременно озаботиться тем, чтобы располагать средствами, достаточными для поддержания нормального уровня жизни на данном возрастном этапе. Всестороннее страхование, исключение из жизни человека мероприятий по обеспечению и предвидению забот о собственной старости устраняет индивидуальный импульс заботы о себе. Все дело в том, чтобы в государственной системе обеспечения оставалось место для свободной деятельности и благотворительности. По причине того, что процесс подмены становится постоянным, индивид обречен на пребывание в инфантильном состоянии в течение всей жизни. Этот способ потребления его устраивает. Если общество перестает его опекать, индивид отвечает озлобленностью или болезнью. Законотворчество, направленное на поддержание инфантильности масс, снижает уровень ценности человеческой личности. Оправдание нежелания людей обрести зрелость ведет к засилью комплексов, неприспособленности. Автор делает вывод о том, что необходимо перенесение акцента с программ вспомоществования на поддержку в получении (сохранении) работы и достижение самообеспечения.

Автор анализирует развитие геронтологического потребления в аспекте потребительских предпочтений и возможностей пожилых людей. Потребительские услуги, помимо выполнения чисто утилитарных социально-экономических функций, немало способствуют модернизации общественного и индивидуального сознания, облегчают ломку стереотипов, готовят общество к восприятию, тиражированию и генерированию новых идей. Количество и разнообразие услуг оказывают сильнейшее воздействие на образ жизни пожилых людей, могут стать мощным рычагом активизации человеческих ресурсов. В работе отмечается, что в современной России геронтологическое потребление услуг остается на крайне низком уровне.

Второе направление интегрирующих стратегий связано с развитием различных форм заботы пожилых людей: практиками межпоколенных взаимодействий. Последние предлагают полилогический механизм, с помощью которого люди разных поколений целенаправленно сотрудничают, поддерживают и оберегают друг друга, соучаствуют и сопереживают. Для людей пожилого возраста участие в межпоколенных интеракциях помогает избавиться от ощущения своей бесполезности и одиночества, низкой социальной самооценки, решить проблемы занятости, способствует восстановлению связей с семьей и обществом. В разных странах дейст-

вуют различные версии практик межпоколенного взаимодействия, в том числе для пожилых людей: волонтерская работа с детьми младшего возраста, имеющими задержку умственного развития; взаимодействие с детьми из неблагополучных семей, нуждающимися в особом внимании и уходе, с детьми, проживающими в детских домах; работа на добровольной основе со студентами в той области, в которой пожилой человек является специалистом; взаимопомощь - оказание помощи и поддержки больному, очень старому пожилому человеку, живущему дома. Постоянно действующие центры практик межпоколенного взаимодействия предоставляют потенциальным добровольцам необходимую информацию и способствуют формированию у них соответствующих знаний и навыков. Пожилой человек может выполнять разнообразные роли, быть: наставником, воспитателем, няней, взрослым другом, тренером.

Третье направление интегрирующих стратегий определяется практиками коммунитарного взаимодействия, которые связаны со способностью граждан пожилого возраста формировать добровольные общественные ассоциации, объединяющие людей вокруг общих целей и способствующие активной вовлеченности в решение общественно-политических проблем. Общественные ассоциации, объединения пожилых людей являются тем нравственным компасом, который ведет их от индивидуального самоопределения (способности осознать собственный интерес) к коллективному самоуправлению (способности участвовать и принимать ответственность за реализацию общего блага). Автор исследует естественные сети социальной поддержки пожилых людей, основным элементом которой является взаимопомощь, анализирует разнообразные способы деятельности общественных организаций пожилых людей.

Автор приходит к выводу о том, что конструирование полезных социальных ролей открывает перед пожилым человеком новые жизненные перспективы, предоставляет возможность передать жизненный опыт более молодому поколению. Практики межпоколенного взаимодействия увеличивают возможности обмена между поколениями: во-первых, пожилые люди оказывают влияние на процесс конструирования стереотипов в молодежной среде, во-вторых, дети, подростки используют опыт и навыки пожилых, в-третьих, актуализируются взаимодействия различных организаций, заинтересованных в применении практик межпоколенного взаимодействия. Перечисленные практики не определены раз и навсегда, они представляют собой не замкнутую, а открытую систему. Особо важным моментом является право на выбор, возможное только в условиях разнообразия. Пожилой человек должен выбирать те формы активности, которые соответствуют состоянию его здоровья, личным интересам, индивидуальным вкусам.

В работе выделяются и анализируются механизмы, стимулирующие активность пожилых людей: превентивный, предупреждающий возникновение социальной эксклюзии посредством формирования: общественного мнения через СМИ и проведение PR-компаний, государственного социального заказа, специализированных образовательных программ, дополнительного финансового обеспечения; дифференцированный подход, основанный на разнообразии путей решения проблем различных групп пожилых людей с учетом факторов социального риска в сочетании с индивидуальным и адресным подходами при оказании социальной поддержки; межпоколенный, раскрывающий границы взаимодействия поколений в

семье и обществе (межпоколенные интеракции, волонтерская работа); корпоративный, позволяющий пожилым людям создавать свои ассоциации, общественные объединения, клубы по интересам, способствующие наилучшей интеграции представителей «золотого возраста» в процесс социального развития; нормативно-правовой, содействующий в практической реализации прав и законных интересов старшего поколения путем активизации деятельности «третьего сектора», международных объединений в лице своих отделений в РФ, юридических клиник; личностный, предусматривающий заблаговременную заботу о собственном старении в культурном, духовном и смысловом аспектах.

Интегрирующие практики предусматривают вложение инвестиций в развитие человеческого фактора, социальных сетей, социокультурных стратегий, помогут приостановить ряд негативных зависимостей, а также рассеять стереотип об истощении ресурсов на более поздних возрастных этапах жизнедеятельности человека.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы его основные выводы.

В приложении представлены образец анкеты, таблицы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Черненко Т.В. Интегрированная старость: смысловое содержание / Т.В.Черненко // Демографические процессы в современном обществе: практика и политика / Под ред. П.В. Романова. – Саратов: Научная книга, 2005. – С.252-257 (0,3 п.л.)
2. Черненко Т.В. Старость в контексте социальной эксклюзии в российском обществе / Т.В.Черненко //Современные коммуникативные практики (по материалам Международной научно-практической конференции. Саратов, 30 марта 2004г.) / Под ред. доктора социологических наук, профессора М.Э. Елютиной. – Саратов: Научная книга, 2004. – С.18-20 (0,2 п.л.)
3. Черненко Т.В. Жилищный сервис для лиц позднего возраста / Т.В. Черненко // Актуальные проблемы демографической политики/ Под редакцией проф. П.В. Романова. – Саратов: Научная книга, 2004. С.133-135 (0,2 п.л.)
4. Черненко Т.В. Геронтологическое направление социальной политики / М.Э. Елютина, Т.В. Черненко // Социальная политика: тенденции развития в обществе риска: Сб. науч. статей. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2003. С.6-20 (0,9/0,4 п.л.)
5. Черненко Т.В. Социально-демографическая тенденция старения населения (на примере Великобритании) / Т.В. Черненко // Поколенческая организация современного российского общества (специфика современных межпоколенческих отношений): Коллективная монография / Под ред. Г.В. Дыльнова и Н.В. Шахматовой. – Саратов: Научная книга, 2003. С.234-242 (0,5 п.л.)
6. Черненко Т.В. Геронтологическое направление жилищного сервиса / Т.В. Черненко // Социальный менеджмент: опыт, исследования, образование: Сб. статей по материалам международной конференции. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2001.С.161-168 (0,5 п.л.)

№ 13528

РНБ Русский фонд

2006-4
9678

ЧЕРНЕНКО Татьяна Васильевна

**ИНТЕГРИРОВАННАЯ СТАРОСТЬ:
ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ**

А в т о р е ф е р а т

Ответственный за выпуск к.с.н. А.Е. Колобова

Корректор Л.А. Скворцова

Лицензия ИД № 06268 от 14.11.01

Подписано в печать 27.05.05

Формат 60×84 1/16

Бум. тип

Усл.-печ.л. 1,16

Уч.-изд.л 1,0

Тираж 100

экз.

Заказ 222

Бесплатно

Саратовский государственный технический университет

410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 77

Копиринтер СГТУ, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 77